

THE HEBREW UNIVERSITY
OF JERUSALEM

ЕВРЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В ИЕРУСАЛИМЕ

SAINT PETERSBURG
STATE UNIVERSITY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

JUDAICA PETROPOLITANA

Scholarly Journal
Научно-теоретический журнал

№ 2 2014

Jerusalem – St. Petersburg
5775

Иерусалим – Санкт-Петербург
2014

Академия
Исследования Культуры

JUDAICA PETROPOLITANA

Editorial Council:

H. Ben-Shammai (Jerusalem), B. Chiesa (Turin), A. Dykman (Jerusalem), P. Fenton (Paris), D. Fishman (New York), R. Sh. Ganelin (St. Petersburg), S. Goldin (Jerusalem), V. E. Kelner (St. Petersburg), G. Khan (Cambridge), A. B. Kovelman (Moscow), J. Nom de Deu (Madrid), A. Rofe (Jerusalem), D. E. Rozenzon (Moscow/Jerusalem), S. Ruzer (Jerusalem), S. Stampfer (Jerusalem).

Editorial Board:

Editors-in-chief: C. Aslanov (The Hebrew University of Jerusalem), I. R. Tantlevskij (St. Petersburg State University).

Editor: I. Lurie (The Hebrew University of Jerusalem).

Executive secretaries: M. Berkovich (The Hebrew University of Jerusalem), E. S. Norkina (St. Petersburg State University), V. V. Fedchenko (St. Petersburg State University).

Technical secretary: N. M. Kuznetzova (St. Petersburg State University).

Редакционный совет:

Х. Бен-Шаммай (Иерусалим), Р. Ш. Ганелин (Санкт-Петербург), С. Гольдин (Иерусалим), А. Дикман (Иерусалим), В. Е. Кельнер (Санкт-Петербург), А. Б. Ковельман (Москва), Б. Кьеза (Турин), Х. Ном де Дему (Мадрид), А. Рофэ (Иерусалим), Д. Е. Розензон (Москва/Иерусалим), С. Рузер (Иерусалим), П. Фентон (Париж), Д. Фишман (Нью-Йорк), Г. Хан (Кембридж), С. Штампфер (Иерусалим).

Редакционная коллегия:

Главные редакторы: С. Асланов (Еврейский университет в Иерусалиме); И. Р. Тантлевский (Санкт-Петербургский государственный университет).

Редактор: И. Лурье (Еврейский университет в Иерусалиме).

Исполнительные секретари: М. Беркович (Еврейский университет в Иерусалиме); Е. С. Норкина (Санкт-Петербургский государственный университет); В. В. Федченко (Санкт-Петербургский государственный университет).

Технический секретарь: Н. М. Кузнецова (Санкт-Петербургский государственный университет).

All contributions submitted to *Judaica Petropolitana* are peer-reviewed
Все публикуемые в журнале *Judaica Petropolitana* статьи проходят экспертную оценку

Издание номера подготовлено при поддержке
Российского Еврейского Конгресса.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

- В. Е. Кельнер.** Барьер: М. М. Винавер и еженедельник «Еврейская трибуна».....5
- В. Лукин.** Наполеоновские войны и российские евреи: 200 лет памяти.....33
- О. Ю. Минкина.** Семейные конфликты и семейные истории евреев в российских делопроизводственных документах начала XIX в. 51
- А. В. Зорницкий.** Западноукраинские диалектные заимствования в сборнике рассказов Иосифа Бурга «на Черемоше» 71

Рецензии

- Vassili Schedrin.** At Home In Russia [Rev. of: Glants, Musya. Where is My Home? The Art and Life of the Russian Jewish Sculptor Mark Antokolsky, 1843-1902. Lanham, MD: Lexington Books, a division of Rowman & Littlefield Publishers, 2010] 86
- Ю. Рец.** Хаим Житловский — теоретик секулярного еврейского национализма [Рец. на: K. Schweigmann-Greve. Chaim Zhitlowsky: Philosoph, Sozialrevolutionär und Theoretiker einer säkularen nationaljüdischen Identität. Hannover: Wehrhahn, 2012].....91

Публикации и переводы

- «Новости»: Дневник Хаима Авраама Шапира из Могилева (1873–1917).
Редакция рукописи и примечания: Д. Асаф.
Вводная статья: А. Литин, Д. Харув 98
- Приложение. Завещания автора дневника (1910–1917) 153

דוד אסף. 'ובאותו קיץ נתהוו כמה חדשות בעירנו': יומנו של חיים אברהם שפירא (1873–1917).....ב

יומנו של חיים אברהם שפירא ממוהילב. ההדיר מכתב היד והוסיף הערות דוד אסף.....ו

נספח. צוואותיו של חיים אברהם שפירא (1910–1917).....ג

*А. В. Зорницкий, Житомирский государственный
университет им. Ивана Франко*

ЗАПАДНОУКРАИНСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ ИОСИФА БУРГА «НА ЧЕРЕМОШЕ»¹

Резюме. Основываясь на текстах двух оригинальных и двух переводных изданий рассказов Иосифа Бурга из цикла «Afn Tshermush» («На Черемоше»), в статье осуществляется попытка комплексной дескрипции как индивидуально-авторских, так и характерных для западноукраинского идиша в целом диалектных лексем, встречающихся в двух вышеупомянутых оригинальных изданиях, однако отсутствующих в наличествующих словарях языка идиш. Утверждается, что для авторского языкового стиля характерны многочисленные заимствования из украинского языка, включающие «перенесенные лексемы», заимствования-сдвиги, индуцированные образования и т. п., причем многие из них следует скорее рассматривать как диалектизмы, а не авторские окказионализмы. Исследователь приходит к выводу, что наличие подобной лексики может служить доказательством некоторых различий, касающихся путей исторического становления центрально- и восточнукраинского идиша, с одной стороны, и западноукраинского идиша, с другой стороны. Рассматриваемые слова и выражения могут быть использованы для расширения диалектологической составляющей готовящихся к изданию словарей языка идиш.

Ключевые слова: язык идиш, западноукраинский идиш, Иосиф Бург, «На Черемоше», диалектизмы, лексикография идиш.

---

¹ Настоящая публикация была подготовлена при поддержке ассоциации 'Jewish Galicia and Bukovina,' Jerusalem.

*Andrii Zornyskyi, Ivan Franko Zhytomyr State University,
Associate Professor, Ph.D.*

WESTERN UKRAINIAN DIALECTAL BORROWINGS IN Y. BURG'S SHORT STORY COLLECTION "ON THE CHEREMOSH RIVER"

Abstract: Basing on two original and two translated editions of Yoysef Burg's short story collection "Afn Tshermush" ("On the Cheremosh River"), the paper attempts a complex description of either the author's peculiar or Western Ukrainian Yiddish dialectal lexemes as employed in the two original editions and yet unregistered in available dictionaries of the Yiddish language. Described are numerous Ukrainian borrowings in the author's idiom which fall into imported lexemes, loanshifts, induced creations etc, many of them suggestive of their common dialectal rather than individual-contextual character. The researcher arrives at the conclusion that the lexemes in question present evidence as to a degree of difference between the ways of recent historical development of Central and Eastern Ukrainian Yiddish, on the one hand, and Western Ukrainian Yiddish, on the other hand. The listed words and expressions may be used by lexicographers for the purpose of expanding the dialectal component of prospective Yiddish dictionaries.

Key words: the Yiddish language, Western Ukrainian Yiddish, Yoysef Burg, "Afn Tshermush", dialectal lexemes, Yiddish lexicography.

Широко распространено и вряд ли нуждается в дополнительной иллюстрации утверждение, согласно которому язык идиш — возможно, в несколько большей степени, чем другие европейские языки, — склонен вступать в отношения сложной и многогранной, хотя и, главным образом, пассивной, интерференции с прочими языками соответствующего лингвистического ареала². В собственно лексикологическом аспекте проблемы подобная лингвистическая интерференция проявляется в подчеркнутой готовности идиша к восприятию иноязычных заимствований, которые с относительной легкостью проникают в этот язык, а впоследствии, как правило, ускоренно ассимилируются и вытесняют соответствующие «исконные» лексемы на периферию речевой практики — как в плане частотности употребления, так и стилистической маркированности последних. С теми или иными ограничениями (а зачастую, увы, и с учетом соответствующих идеологических установок конкретного исследователя

---

² Литература по этому вопросу крайне многочисленна и разнообразна. В качестве краткого изложения основных пунктов связанной с ним научной полемики см. *Susskind N. A Partisan History of Yiddish // Origins of the Yiddish Language. Vol. I. Oxford: Pergamon Press, 1987, pp. 127–134.*

и/или редактора³) иноязычные заимствования в лексике идиша в избытке приводятся как в старых, так и в новых лексикографических работах, зачастую не сопровождаемая должным количеством уточнений коннотативного характера. На фоне общей непроработанности коннотации в огромном большинстве наличествующих словарей идиша такое положение вещей не вызывает особого удивления, хотя и крайне усложняет постановку иного, во многом самостоятельного вопроса о диалектологических координатах многих из таких заимствований. Ведь, как хорошо известно, степень диалектной раздробленности этого языка вполне сопоставима с его подчеркнутой «открытостью» иноязычным влияниям.

Ввиду этого, настоящая статья представляет собой попытку комплексной дескрипции индивидуально-авторских лексических образований, встречающихся в рассказах известного писателя-идишиста Иосифа (Йойсефа) Бурга, которые составляют сборник под названием «Afn Tshermush» — «На Черемоше». Лексемы такого рода рассматриваются нами в первую очередь с точки зрения возможности их общедиалектной, а не только индивидуально-авторской принадлежности, причем особое внимание уделяется лексическим единицам, которые либо совсем не регистрируются в наиболее полных словарях языка идиш, либо описываются в них неточно или неполно. Объектом исследования является широкий спектр лексикологических характеристик выделяемых лексем, в то время как предметом исследования являются собственно лексикографические параметры последних. В методологическом плане, помимо традиционных процедур фиксации и описания заимствований, нами широко применяется текстологический метод, что становится возможным ввиду наличия исследуемого текста в двух авторских редакциях, а также переводов на немецкий и русский языки первой и второй из них соответственно.

Рассказы, составившие впоследствии сборник «Afn Tshermush», были написаны в Черновцах в середине 30-х гг. прошлого века и поначалу публиковались в газете «Tschernovitser bleter», после чего были изданы в виде отдельной книги в Бухаресте в 1939 году. Как нетрудно догадаться, выход этой книги остался практически незамеченным ввиду ряда последовавших за этим событий как специфически советского, так и общемирового масштаба, которые самым трагическим образом сказались и на судьбе миллионов потенциальных читателей книги, и самого автора. Переиздание этих же — во многом, впрочем, переработанных — текстов на языке оригинала было осуществлено издательством «Советский писатель» в 1980 году (в рамках сборника «Dos lebn geyt vayter»), за которым последовало переводное русскоязычное издание 1987 года, почти пятьдесят

---

³ См., например: *Greenbaum A. Yiddish Language Politics in the Ukraine, 1930–1936 // Politics of Yiddish: Studies in Language, Literature, and Society. Walnut Creek: AltaMira Press, 1998. Vol. IV. pp. 23–27.*

лет спустя хоть в какой-то мере познакомившее уже практически не читавших на идиш советских евреев с этими ранними рассказами классика. И, наконец, в 2005 году в издательстве „Hans Boldt Verlag“ вышла полная немецкоязычная версия рассказов, базирующаяся, главным образом, на первой, бухарестской редакции текстов.

В число непосредственных задач настоящей статьи не входит рассмотрение специальных литературоведческих или текстологических вопросов, что позволяет в значительной мере абстрагироваться от многочисленных текстуальных несовпадений, в изобилии встречающихся в четырех рассматриваемых изданиях. Вместо этого, нашей целью является последовательный анализ интересующего нас лексического материала в меру его представленности во всех имеющихся вариантах текстов с особым упором на издание 1939 года. В собственно лексикографическом аспекте исследования, принимая во внимание качество и тематическую направленность наличествующих источников⁴, нами были использованы словари А. Гаркави, С. Рохкинд и Г. Шкляра, У. Вайнрайха, А. Солдатова, Б. Вайнבלата, а также в ряде случаев иные, вспомогательные источники. В качестве справочного материала по славянским и другим языкам нами использовались словари, включенные в электронный лексикографический источник АBBYU Lingvo x5.

По результатам проведенного анализа, представим интересующие нас лексемы в виде нижеследующего перечня, в котором значение, вероятное происхождение, особенности употребления и т. п. каждой из составляющих сопровождаются необходимыми комментариями и пояснениями. По техническим причинам цитаты из обоих изданий приводятся в виде транслитерации латиницей.

Наиболее специфической и широко распространенной из интересующих нас лексем является **splav**. Несмотря на то, что данная лексема приводится в словаре А. Гаркави как со значением ‘rafting’, так и ‘melting’, ‘allayage’, в первом — и, казалось бы, наиболее распространенном из них — она встречается в текстах Бурга лишь единожды, а именно в названии рассказа «Afn splav» — «На лесосплаве». При этом примечательно и то, что в самой ранней редакции рассказ назывался «Afn plitntraub», тем самым резервируя за анализируемой лексемой ее несопоставимо более частотное и не регистрируемое словарями значение ‘плот (из сплавляемой древесины)’:

1. «Un di kerme hot shver genumen shnaydn dos vaser, der splav hot geskripet un zikh ongehoybn tsu dervaytern funem breg⁵» [Burg 1939: 14].

⁴ Аргументированный обзор современной идиш-«восточнославянской» лексикографии приводится в работе [Федченко 2013]

⁵ Рулевое весло с силой взрезало воду, плот заскрипел и начал отдаляться от берега (здесь и далее перевод с идиша наш — А. З.).

2. «Shoen-lang fleg er opshteyn bam ledikn (sic! — А. З.) breg, batrakhtn di grinlekh boye vaser-dek un far di oygn flegn durkhshvimen di splaves, vos er hot opgefirt durkh zumer⁶» [Burg 1939: 22] и проч.

При этом представляется очевидным, что подобное словоупотребление обусловлено влиянием украинского языка, в котором лексема *сплав* имеет в том числе и не свойственное русскому *сплав* значение ‘плот из сплаваемого леса’. Производным от *splav* является слово **splavnik**, также весьма частотное:

3. «Es iz tsugekumen a yunger splavnik, azoy fun a yor draysik, zikh aropgelozt af di kni un mit a forshndikn blik zikh ayngelukht in di penemer⁷» [Burg 1980: 96].

При этом интересно отметить, что, как и в случае со стилистико-этимологической оппозицией *splav* : *plitntrayb*, в «Лексиконе новой литературы на идиш», в котором еще сравнительно молодому и малоизвестному в то время Бургу уделено лишь несколько строк, авторская лексема *splavnik* не употребляется: «Burg shildert dos lebn fun yidishe *trave-firers* (выделено нами — А. З.) *afn taykh Tshermosh*⁸» [Leksikon 1956: 269]. Не менее примечательным представляется нам и то обстоятельство, что в аннотации к советскому изданию рассказов, в тексте которых последовательно встречаем как *splav*, так и *splavnik*, читаем: «Geboyrn in 1912 yor in shtetl Vizhnits af der Bukovine, hot er in zayne ershte dertseylungen ... mit groys libe nit azoy bashribn, vi bazungen di natur fun ot dem molerishn kant bam tsufusns fun di Karpatn, di mutike arbeitsmentshn, vos bavoynen im, — valdheker, *plitntrayber*, *splavnikes*⁹ (выделено нами — А. З.)» [Burg 1980: 4]. Поскольку, как было показано выше, как-либо разграничить значения лексем *plitntrayber* и *splavnik* невозможно, подобное словоупотребление представляется нам еще одним доказательством некой экзотичности последней для потенциального читателя, а возможно и автора аннотации, ввиду чего ее значение «политкорректно» объясняется при помощи якобы частичного синонима. Таким образом, приведенные наблюдения дают все основания считать лексем *splav* и *splavnik* характерными примерами галицийско-буковинских диалектизмов в языке идиш.

⁶ Он часами простаивал на пустом берегу, глядел на зеленовато-голубую водную гладь, и перед его глазами как будто снова проплывали плоты, проведенные им по реке за лето.

⁷ Подошел молодой плотогон, лет этак тридцати, и, опустившись на колени, испытующе взгляделся в лица.

⁸ Бург описывает жизнь еврейских плотогонов на реке Черемош.

⁹ Родившись в 1912 году в местечке Вижница на Буковине, в своих первых рассказах он с огромной любовью не столько описал, сколько воспел природу этого живописного уголка у подножья Карпат и мужественных тружеников, его населяющих, — лесорубов, плотогонов, сплавщиков леса.

Синонимичной по отношению к *splavnik* является и используемая автором лексема **vaser-mentsh**:

4. «*Dos lebn tsvishn di vasern iz vi a leydike shtub, in velkher der vaser-mentsh dreyt eyner aleyn zikh arum*¹⁰» [Burg 1980: 24].

Несмотря на низкую частотность анализируемой лексемы, приведенный пример, на наш взгляд, не позволяет рассматривать ее как окказионализм (в данном случае определенный артикль сообщает авторскому словоупотреблению некоторую степень терминологичности — под словом *vaser-mentsh* подразумевается не только герой рассказа, но любой плотогон, что, таким образом, сделало бы использование окказионализма крайне неуместным). Подтверждение этому мнению находим и в немецком переводе текста: „*Das Leben mit dem Wasser ist wie ein leeres Haus, in welchem sich der Flößer ganz alleine bewegt*“ [Burg 2005: 18]. Как и в случае со *splavnik*, слово *vaser-mentsh* также не фиксируется в наличествующих словарях идиша.

С лексемой *splav* в авторском ее употреблении тесно связана и лексема **shvare**, также не регистрируемая в словарях. В рассказе «*Vam breg*» читаем:

5. «*Legt er aruf nokh a shvare af di splaves, bindt zey fester tsu, un bam fardreyen, dakht zikh, vi er fardrotevet tsuzamen mit di verter: «M'kon nisht visn, fremds iz fort nisht eygns!»*» [Burg 1939: 8].

В переводе текста на русский язык смысл приведенного фрагмента передается описательно: «*Он еще раз перевязывает плоты. И создается впечатление, будто не только проволока, и слова его привязывают бревна: — Загодя ничего нельзя знать. Чужое не свое!*» [Burg 1987: 217], где использованная переводчиком лексема *проволока*, строго говоря, соотносится с *fardroteven* — ‘привязывать (*проволокой*)’ (ср. *drot* — ‘проволока’), но не со *shvare*. Однако общий контекст отрывка и немецкий перевод („*Oft gibt er noch etwas Draht auf die Flöße* (выделено нами — А. З.), *bildet sie straffer zusammen, und beim Festzurren scheint es, als würde er es auch mit den Worten befestigen...*”) [Burg 2005: 8] позволяют с максимальной вероятностью утверждать, что употребляемое Бургом *shvare* соотносится с украинским *шворка* — ‘веревочка’, а косвенно и с русским *свора* / украинским *швора* — ‘(охотн.) ремень, шнур, на котором водят охотничьих собак’, где последнее, особенно в диалектной форме *швара*, имеет еще и искомое значение ‘толстый и прочный шнур, канат’ (ср. тж. русск. *швартов*, *швартовый*). Таким образом, точное значение лексемы может быть описано как ‘отрезок прочного каната для швартования плотов’. При этом

¹⁰ Жизнь на воде — как пустая изба, в которой плотогон оборачивается один-одинешенек.

характерно, что данное слово заимствуется автором в наиболее «аутентичной», диалектной форме, указывающей, как нам представляется, на его статус «перенесенной лексемы», а не продукта авторского словотворчества.

Еще одной относительно частотной лексемой из числа имеющих прямое отношение к профессиональной деятельности героев Бурга является также не фиксируемая в словарях **povin**:

6. «Shepchet er aroys shtil vi far zikh aleyn: “S’kumt a povin¹¹!» [Burg 1939: 7].

Как в румынском, так и в советском изданиях, первый случай употребления данной лексемы сопровождается пояснительной сноской «hoykhvaser». Не вызывает сомнения, что данное слово представляет собой заимствованное украинское *повінь* — ‘наводнение’, тогда как наличие сноски предполагает, по мнению автора или редакторов соответствующих изданий, его непонятность потенциальному читателю. Таким образом, оно может быть осмысленно как идишский диалектизм (наиболее вероятный вариант ввиду высокой частотности лексемы) или как экзотизм.

Наряду с вышеприведенными примерами, имеющими относительно узкоспециальное значение, в анализируемых текстах нередко используются лексемы, описывающие широкий спектр понятий, связанных с особенностями народного быта Буковины первой ½ XX века. К ним относятся слова, обозначающие особенности буковинского ландшафта (главным образом, в его хозяйственном значении), орудий труда, одежды, обуви и т. п., причем многие из таких лексем соотносятся не с литературными украинскими, а с местными, диалектными лексическими единицами. Своеобразной винтэссенцией подобных «этнографических» элементов языкового стиля Бурга может служить предложение из рассказа «Khaim Sosniak»:

7. «Shteyt zikh di khatke vi a tslomim-shtibl in mint vald, tsien zikh zumerdike farnakhtn fun hutsulische polenines, bikn zey zikh vi frume kristn un lozn iber dem reyekh fun shofener urde¹²» [Burg 1939: 44].

Даже имея «подсказку» в виде советского издания, где диалектное *bikn* изменено на *bukn* — причем именно графически, используя нормативное написание через «вов» вместо оригинального через «йуд», нельзя не отметить обилия слов, не встречающихся в огромном большинстве идишских словарей. В частности, вместо более распространенного *khate* — ‘украинская изба (как *правило* небольшая)’ это же слово употреблено с оригинальным

¹¹ «Приближается наводнение», — шепчет он тихо, словно обращаясь к самому себе.

¹² Стоит себе избушка, как часовенка, в гуще леса, к ней спускаются сумерки с горных гуцульских пастбищ, склоняются перед ней, как богомольные христиане, источая запах урды — вареного невыдержанного сыра.

украинским уменьшительно-ласкательным суффиксом — **khatke**, не регистрируемая в словарях лексема **hutsulish** имеет этноспецифическое значение ‘гуцульский (свойственный горцам украинских Карпат, гуцулам)’, также не встречающаяся в словарях **polenine** обозначает безлесный участок в карпатском высокогорье, использующийся для выпаса скота и сенокоса (ср. укр. *полонина*) и, наконец, малочастотная даже в украинском языке лексема *урда* (**urde**) имеет единственное значение ‘вареный невыдержанный сыр’. В этом смысле небезынтересно отметить грубую ошибку, допущенную в русском переводе рассказа («*Стоит она, эта избушка, словно лесная часовня, к ней тянутся летние сумерки с гуцульских пастбищ, ей кланяются православные христиане* (на самом деле, в оригинальном тексте это не более чем метафора — А. З.), *принося с собой овчинный запах* (?! — А. З.)») [Burg 1987: 223], которой, однако, удалось избежать при переводе на немецкий: „*Die Kate steht wie eine Kapelle mitten im Wald; sommerliche Abende senken sich von huzulischen Weiden her auf sie nieder und bringen Geruch von Schafkäse* (выделено нами — А. З.) *mit sich*“ [Burg 2005: 32].

Аналогичную неточность, вызванную несходством результатов исторической и контекстуальной интерференции идиша и славянских языков, встречаем и в немецком переводе одного из исследуемых текстов¹³. В частности, в рассказе «*Arum der zeg*» читаем:

8. «*Der vinter iz lang un der hunger varft zikh iber di halb-tunkle poyerishe shtiblekh, makht fartik eyn dorf, trogt zikh ariber in a tsveytn, traybt di poyerim aroys fun di vareme mit lobuz ayngedekte khates*» [Burg 1939: 33].

В словаре А. Гаркави интересующая нас лексема приводится в форме *lobes* — ‘уличный мальчишка, сорванец’ (*urchin*), тогда как словарь Бейнфельда-Бохнера фиксирует ее как *lobuz / lobus* с дополнительным значением ‘молодой негодяй’ (*young rascal*). Не фиксируют каких-либо иных значений и словари польского языка, из которого данная лексическая единица, вероятнее всего, и была заимствована в идиш (ср. польск. *lobuz / łobuziak* — ‘озорник, сорванец’ и ‘негодяй, прохвост’). Ввиду этого, в немецком переводе закономерно имеем: „*Der Winter ist lang, und der Hunger fällt über die halbdunklen Bauernhütten her, erledigt ein Dorf, zieht weiter in ein zweites und treibt die Bauern aus den warmen Katen, die voller Rangen* (выделено нами — А. З.) *sind*“ [Burg 2005: 25]. Подобную интерпретацию значения лексемы *lobuz* нельзя признать удачной по двум причинам: во-первых, лексема употреблена в единственном числе, тогда как форма множественного числа требует наличие флексии -n или -es и, во-вторых, предлог *mit* вводит инструментальный дательный падеж, в то время как для указания агенса в идише используются предлоги *fun* и *durkh*.

¹³ Автор благодарит к. филол. н. В. В. Федченко за это указание.

Объяснение подобного словоупотребления в очередной раз находим в украинском языке, в диалектах которого неожиданно встречаем лексему *лабуз* со значением ‘сорная трава’, которое было утрачено польским *lobuz* вместе с развитием его переносного значения, но сохранилось в случае собирательным существительным *labuzie / lobuzie* (ср. тж. укр. *лабуззя, лабузиння*) [Etymologichnyy slovnyk 1989: 175]. Таким образом, идишские лексемы *lobuz I* и *lobuz II* следует считать омонимами или, в случае с *lobuz I* и *lobus / lobes*, этимологическими паронимами, вследствие чего перевод анализируемого предложения на русский язык принимает семантически корректный вид: «Зима длится долго, и голод коцует по полутемным крестьянским избушкам, покончив с одной деревней, перебирается в другую и гонит крестьян прочь из теплых хат, крытых бурьяном».

Дополнительными примерами этого типа могут служить следующие лексемы:

- **bombetl** — ‘большой деревянный сундук, крышка которого имеет спинку (*использовался, в том числе, как диван или тахта*)’ (ср. очень мало распространенный галицийский диалектизм *бамбетль*; в советском издании изменено на *toptshan*) [Burg 1980: 107]:

«Ven kile vintn hobn zikh ongehoybn trogn fun di vayte skales un zikh arayngehapt in zayn farlatetn hemd, demlt hot Khaim ... arayngekatshet zayn midn guf in shtub arayn un zikh anidergevarfn af dem hiltsernem bombetl¹⁴» [Burg 1939: 46];

- **kolibe** (при этом интересно отметить, что пояснительная сноска “*vald-shtibl*” приводится лишь в советском издании) — ‘избушка в высокогорном лесу, где временно проживают чабаны и лесорубы’ (ср. укр. диал. *колиба*):

«Ikh hob gekhapt a kuk af di splaves, akhtung gegeben tsi alts iz gut tsugebundn, un zeendik az der Tshermush halt zikh opfaln, hob ikh ... mikh avekgeshlept in der kolibe¹⁵» [Burg 1939: 18–19];

- **kutshme** — ‘высокая меховая шапка из овечьей шкуры’ (ср. укр. *кучма*), в словаре А. Солдатова неточно описывается как «разновидность шапки-ушанки» (на самом деле, украинская *кучма* — это слово не следует путать с русским диалектизмом *кучма*, обозначающим шапку-ушанку, — не имеет опускающихся клапанов и, таким

¹⁴ Когда холодные ветры задували со стороны дальних скал, забираясь под его заплатанную рубаху, тогда ... перетаскивал Хаим свое усталое тело в избу и укладывался на деревянный сундук.

¹⁵ Я посмотрел на плоты, проверил, все ли они хорошо привязаны, и видя, что вода в Черемоше продолжает спадать, ... поплелся в колыбу.

образом, может быть скорее названа разновидностью папахи). Точнее, но неполно определяется как « меховая шапка » в словаре Б. Вайнблата:

«...zayn shtern hot ongehoybn zikh tsu faldeven aroptsiendik di bremen biz tsum opgeribenem rand fun der kutshme¹⁶» [Burg 1939: 43];

• **povisme** — ‘связка пеньки или льна, подготовленная к прядению; клок (*волос и т. п.*), напоминающий такую связку’ (ср. укр. *повісмо*): «Zayn langer blond-tseshoyberter tshoper hot aroysgehangen fun unter zayn grinem kapelush un zikh geviet vi oysgetriknte povisme ba tsaytike kukuruzes¹⁷» [Burg 1939: 15];

• **pritshn** — ‘нары’ (наряду с нем. *Pritsche*, мн. ч. -n, ср. наличие укр. диал. *прічі* — ‘*тюремные* нары’):

«Di tsuherer zayne hobn fun loyter midkayt zikh tserukt af di pritshn un a hart khropen hot vi farvebt zayne trukene reyd¹⁸» [Burg 1939: 40];

• **tsapine** (экзотизм, сопровождающийся пояснительной сноской «hak») — ‘топорик с длинной ручкой, исторически использовавшийся карпатскими горцами как оружие или трость’ (ср. крайне мало распространенное укр. диал. *сапіна / цапіна*):

«... poyerim breytpleytsike, vos hobn shoyn nisht eynmol bagegnt dem toyt ... zenen geshtanen di gantse leng funem barg, gehalten farkovet tsapines in di broyn-tsepikete hent¹⁹...» [Burg 1939: 63];

• **yekhtover** (ср. нормативное *yukhtn / yukhtener*) — ‘юфтяной’, где переход «вов» в «айин» произошел под влиянием украинского *юхтовий* с ударением на втором слоге, в отличие от менее распространенного русского *юхтовый* с ударением на первом:

«... un in di yekhtove shtivl hot gefayft dos vaser, betndik zikh tsurik tsu der breyter, royshiker muter²⁰» [Burg 1939: 27–28] и проч.

¹⁶ ... его лоб наморщился, вздымая брови аж до вытертого края бараньей шапки.

¹⁷ Его длинный светлый растрепанный чуб свисал из-под зеленой шляпы и развисался, как высушенные пряди спелой кукурузы.

¹⁸ Изнуренные слушатели перебрались на нары, и вскоре доносящийся отовсюду храп как бы окутал его сухую речь.

¹⁹ Широкоплечие крестьяне, уже не раз видавшие смерть, ... стояли вдоль всего склона горы, сжимая кованые топоры в испещренных рыжими точками руках.

²⁰ ... в юфтяных сапогах посвистывала вода, просясь обратно к своей широкой и шумной матери.

При этом представляется немаловажным, что автором заимствуются не только сравнительно легко ассимилируемые имена существительные, но и ряд глаголов, как, например,

- **tshaliapen** — ‘медленно ступать, волоча ноги (*особенно при ходьбе по грязи, талому снегу и т. п.*)’ (ср. укр. диал. *чалапати*):

«Bam shayn fun di vaksene likht hobn zeyere penimer oysgezen gel un forkhtik vi ba heylike ikones, a temp tshaliapen hot zikh gerisn durkh der fintsternish un tfile-nign hot zikh getrogn durkh der nakht²¹...» [Burg 1939: 51–52];

- **shkilen** — ‘идти, припадая на укороченную или больную ногу, хромать’ (ср. нормативное украинское *шкутьильгати*, а также вероятную этимологию распространенной украинской фамилии *Шкіль*):

«In eynem aza tog ... hot Kolia der «Kreyzikant» arayngeshkilet in der kantselarye²²» [Burg 1939: 33–34] и проч.

Не менее интересны и случаи использования автором так называемых «заимствований-сдвигов» (*loanshifts*, термин Э. Хаугена) [Haugen 1972: 77], т. е. лексических образований, созданных под влиянием семантических или собственно словообразовательных моделей иного языка, контактирующего с рассматриваемым. В качестве одного из наиболее ярких примеров этого типа отметим лексему **khaperlekh**:

«Lebn tatn, hot vi a ying meydل vos shpilt zikh in khaperlekh, arumgetantst di alte Fedokhe, geshprungen biz ir gartl in vaser un oysgekhaft di trenkendike hiner²³» [Burg 1939: 25–26].

Поскольку русский перевод данного рассказа отсутствует, рассмотрим в сопоставительном аспекте перевод выделенного фрагмента на немецкий язык: „*Neben dem Vater tanzte wie ein junges Mädchen, das Fangen spielt, die alte Fedoche herum, sprang bis zum Gürtel ins Wasser und zog die ertrinkenden Hühner heraus*“ [Burg 2005: 19]. Приведенный вариант перевода позволяет не только подтвердить гипотезу о значении ‘салки’, в котором используется идишская лексема *khaperlekh* (ср. соответствие идишского *khapen* немецкому *fangen*, а также наличие в словарях нем. *Fangen* в значениях ‘ловля’

---

²¹ При свете восковых свечей их лица казались желтыми и грозными, как у святых икон, приглушенный звук шаркающих шагов прорвался сквозь тьму, и в ночи разнесся пасхальный тропарь.

²² В один из таких дней ... в контору прихромал Коля «Циркулярка».

²³ Возле папы — как девчушка, играющая в салки, — вертелась старая Федоха: она по пояс забредала в воду и выхватывала оттуда тонущих кур.

и ‘салки’), но и увидеть отчетливо проявляющуюся типологическую разницу между конструкциями *Fangen spielen* и *zikh in khaperlekh shpiln*, которая указывает на явно славянское происхождение последней. Некоторую сложность может представлять лишь объяснение возвратности используемого глагола (**zikh in khaperlekh shpiln** вместо русского *играть в салки*), которая, впрочем, исчезает, если апеллировать к украинскому *грати / гратися в квача*, где последний компонент, по-видимому, заменен на один из таких синонимов русского *салки* как *ловитки, ловишки* и т. п. (ср. наличие в морфологической структуре *khaperlekh* уменьшительно-ласкательного суффикса -l- и окончания множественного числа, что превращает его в аналог русского «*хвतालочки»). В качестве еще одного подтверждения, лексему *khaperlekh* (правда, без указания соответствующего глагола и его управления) неожиданно обнаруживаем в словаре С. Бейнфельда и Г. Бохнера [Beinfeld, Bochner 2013] в двух значениях — ‘салки’ (*tag*) и ‘жмурки’ (*blind-man's buff*).

Еще одним показательным примером такого рода может служить выражение **vi a farblendter** в предложении

«Kh'hob gekukt vi a farblendter af zayn shvartser kapote²⁴» [Burg 1939: 20].

Даже если не принимать во внимание то обстоятельство, что в приведенном примере речь идет о призраке, читателю все равно ясно, что быть в буквальном смысле «ослепленным» видом черного кафтана вряд ли возможно. Учитывая же, что данное идиоматическое выражение не приводится ни в одном из словарей, его смысл становится в полной мере ясен лишь при сопоставлении с украинским выражением *мов засліплений, имеючим, среди прочого, и искомое значение ‘как в тумане (не отдавая себе отчета в происходящем)’*.

В результате сходных семантико-грамматических сдвигов был создан и дважды встречающийся в двух различных рассказах авторский глагол **kulken zikh**:

«Der tate hot zikh oysgetsoygn, ongeshpart dem elnboygn onem breg un mit ayngehaltenem otem zikh tsugehert tsu di trit vos hobn fun vaytn zikh gekulket²⁵...» [Burg 1939: 13].

И, соответственно:

«Plutsim a geshrey, koyles vi dunern hobn zikh gekulket ibern vald²⁶» [Burg 1939: 64].

²⁴ Как в тумане смотрел я на его черный сюртук.

²⁵ Отец растянулся, уперся локтем в берег и, затаив дыхание, прислушивался к звуку шагов, доносившемуся издалека...

²⁶ Внезапно раздался крик, голоса как гром разнеслись над лесом.

В советском издании анализируемый глагол в обоих случаях приобретает вид *kayklen zikh* [Burg 1987: 97, 114], что позволяет идентифицировать его словарное значение как ‘катиться’, а контекстуальное — как ‘доноситься, звучать’ (ср. русск. *раскат грома* и «...*koyles vi dunern hobn zikh gekulket...*» из примера выше). При этом открытым остается вопрос об этимологии аутентичного *kulken zikh* из румынского издания, которую нам представляется возможным объяснить, апеллируя к украинскому *кулька* — ‘шарик’, корень которого, не встречаясь в составе глаголов украинского языка, тем не менее полностью соответствует корню идишского *kayklen zikh* из советского издания (ср. идиш. *kaykele* — ‘шарик’).

Еще одна часть лексических инноваций Бурга связана с фонетическим принципом написания всех без исключения идишских словарных единиц, который принят как в румынском, так и в советском изданиях. В этом смысле многие используемые автором лексемы, в том числе и заимствованные, в значительной мере обособляются от их привычных словарных эквивалентов. В частности, во втором издании последовательно наблюдаем такие формы как *suk* [Burg 1980: 92] вместо оригинального *sik* [Burg 1939: 16] — ‘сучок’, *kosoke* [Burg 1980: 103] вместо *kisoke* [Burg 1939: 32] — ‘косоглазый’, *klaybn* [Burg 1980: 93] вместо *kloybn* [Burg 1939: 19] — ‘собирать’, *strashno* [Burg 1980: 93] вместо *strashne* [Burg 1939: 20] — т. е. ‘страшно’ вместо, по-видимому, неизвестного редактору укр. *страшне* (с ударением на последнем слоге) — ‘страшное’ (ср. *Це щось страшне!*), *bukn zikh* [Burg 1980: 106] вместо *bikn zikh* [Burg 1939: 44] — ‘преклоняться’, тогда как чередование *ledik* / *leydik* — ‘пустой’ встречается даже в оригинальном тексте. Все это заставляет искать новые подходы к выявлению аутентичного субстрата художественного языка И. Бурга, а возможно и других идишских писателей Галиции и Буковины.

В классическом исследовании Г. Эстрайха “Soviet Yiddish: Language Planning and Linguistic Development” справедливо утверждается, что в контексте неприкрыто русификаторского содержания проводившейся в СССР политики языкового нормирования заимствования из украинского и белорусского языков (в противовес русизмам) проникали в лексический корпус идиш лишь в самом незначительном количестве²⁷ [Estraihk 1999: 53–56]. Вместе с тем, некоторые обстоятельства как общеисторического, так и собственно лингвистического характера позволяют предположить, что вначале очень слабо затронутых влиянием русского языка западных областях Украины и, возможно, Беларуси ситуация была во многом иной. В частности, в рассмотренных выше текстах И. Бурга, представляющих

²⁷ Естественно, приводимые нами примеры языковой интерференции были характерны, главным образом, для досоветского периода развития идиша в соответствующих частях Буковины и, вероятно, Галиции, однако факт повторного присутствия многих из них в издании 1980 года позволяет предположить некоторую степень сохранности такой тенденции и в советский период.

собой образец, условно говоря, «западноукраинского» идиша, встречаем многочисленные примеры перенесенных заимствований, индуцированных образований, заимствований-сдвигов и т. п., появившихся явно под влиянием диалектных форм украинского, а не русского языка, причем большинство из таких лексем сохраняются автором и в советском издании 1980 года. Наряду с индивидуально-авторскими образованиями и некоторым количеством экзотизмов, тексты рассказов Бурга содержат значительное количество лексических единиц, которые можно с высокой степенью вероятности рассматривать как свойственные местным диалектам идиша в целом, что позволяет ставить вопрос о целесообразности включения таких лексем в диалектологические словари этого языка.

Библиография

- Бург И.* Жизнь продолжается: Новеллы. М., 1987.
- Вайнблат Б.* Еврейско-русский словарь (идиш). М., 2012.
- Еврейско-русский словарь* / Рохкинд С., Шкляр Г. Минск, 1940.
- Солдатов А.* Большой идиш-русский словарь. М., 2011.
- Федченко В.* Идиш-русская/украинская/ белорусская лексикография: новый этап // Народ книги в мире книг. 2013. № 104. Ресурс: http://narodknigi.ru/journals/104/idish_russkaya_ukrainskaya_belorusskaya_leksikografiya_novyy_etap.
- Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. 1972. Вып. VI. С. 61–80.
- Beinfeld S, Bochner H.* Comprehensive Yiddish-English Dictionary. Bloomington — Indianapolis: Indiana University Press, 2013.
- Burg J.* Auf dem Czermosz / A. Eidherr (Übersetz.). Weimer: Hans Boldt Verlag, 2005.
- Burg Y.* Afn Tshermush. Bukharest: Sholem-Aleikhem, 1939.
- Burg Y.* Dos lebn geyst vayer. Moskve: Sovyetskiy pisatel', 1980.
- Estraikh G.* Soviet Yiddish: Language Planning and Linguistic Development. Oxford: Clarendon Press, 1999.
- Etymologichnyy slovnyk ukrayinskoyi movy* [The etymological dictionary of the Ukrainian language] / Ed. by O. Mel'nychuk, V. Kolomiyets', T. Lukinova, V. Sklyarenko, O. Tkachenko. Vol. III. Kyiv: Naukova dumka, 1989.
- Greenbaum A.* Yiddish Language Politics in the Ukraine, 1930–1936 // Politics of Yiddish: Studies in Language, Literature, and Society / D.-B. Kerler (ed.). Walnut Creek: AltaMira Press, 1998, Vol. IV, pp. 23–27.
- Harkavy A.* Yiddish-English-Hebrew Dictionary: A Reprint of the 1928 Expanded Second Edition. N. Y.: YIVO Institute for Jewish Research; Schocken Books, 1988.
- Shatsky Y., Niger Sh.* (ed.). Leksikon fun der nayer yidisher literatur Vol. I. N. Y.: Congress for Jewish Culture, 1956.
- Susskind N.* A Partisan History of Yiddish // Origins of the Yiddish Language / D. Katz (ed.). Vol. I. Oxford: Pergamon Press, 1987, pp. 127–134.
- Weinreich U.* Modern English-Yiddish Yiddish-English Dictionary. N. Y.: YIVO Institute for Jewish Research, 1968.

Bibliography

Beinfeld, S., Bochner, H. (2013) *Comprehensive Yiddish-English Dictionary*, Bloomington — Indianapolis: Indiana University Press.

Burg, I. (1987) *Zhizn' prodolzhayetsya: Novelly*. [Life goes on: Short Stories], Moscow: Sovyetskiy pisatel'.

Burg, J. (2005) *Auf dem Czermosz*. A. Eidherr (Übersetz.). Weimer: Hans Boldt Verlag.

Burg, Y. (1939) *Afn Tshermush*. Bukharest: Sholem-Aleikhem.

Burg, Y. (1980) *Dos lebn geyt vayter*, Moskve: Sovyetskiy pisatel'.

Estraikh, G. (1999) *Soviet Yiddish: Language Planning and Linguistic Development*, Oxford: Clarendon Press.

Etymologichnyy slovnyk ukrayinskoyi movy [The etymological dictionary of the Ukrainian language]. Ed. O. Mel'nychuk, V. Kolomiyets', T. Lukinova, V. Sklyarenko, O. Tkachenko, Vol. III, Kyiv: Naukova dumka, 1989.

Fedchenko, V. (2013) Idish-russkaya / ukrainskaya / byelorusskaya leksikografiya: novyy etap [Yiddish-Russian / Ukrainian / Byelorussian lexicography: a new stage], *Narod knigi v mire knig*, 104. Available at: http://narodknigi.ru/journals/104/idish_russkaya_ukrainskaya_belorusskaya_leksikografiya_novyy_etap.

Greenbaum, A. (1998) Yiddish Language Politics in the Ukraine, 1930–1936. *Politics of Yiddish: Studies in Language, Literature, and Society*, Ed. D.-B. Kerler, Walnut Creek: AltaMira Press, Vol. IV, 23–27.

Harkavy, A. (1988) *Yiddish-English-Hebrew Dictionary: A Reprint of the 1928 Expanded Second Edition*. N. Y.: YIVO Institute for Jewish Research; Schocken Books.

Haugen, E. (1972) Yazykovoy kontakt [Language contact], *Novoye v lingvistike*, VI, 61–80.

Shatsky, Y., Niger, Sh. ed. (1956) *Leksikon fun der nayer yidisher literatur*, Vol. I, N. Y.: Congress for Jewish Culture.

Rokhkind, S., Shklyar, G. ed. (1940) *Yevreysko-russkiy slovar'* [Yiddish-Russian dictionary], Minsk: Izdatel'stvo Akademii Nauk BSSR.

Soldatov, A. (2011) *Bol'shoy idish-russkiy slovar'* [Comprehensive Yiddish-Russian dictionary], Moscow.

Susskind, N. (1987) A Partisan History of Yiddish, *Origins of the Yiddish Language*, Vol. I, Oxford: Pergamon Press, 127–134.

Vaynblat, B. (2012) *Yevreysko-russkiy slovar'* [Yiddish-Russian dictionary], Moscow — Kfar-Saba.

Weinreich, U. (1968) *Modern English-Yiddish Yiddish-English Dictionary*, N. Y.: YIVO Institute for Jewish Research.